

Шукшин В

1985
I

ТОЛЬКО ЧТО
ПРОЧИТАНО...

«Шукшинские чтения». Алтайское книжное издательство, Барнаул, 1984, 203 стр. 80 коп.

Странное двойственное чувство оставляет сборник «Шукшинские чтения» — будто сталкиваются в нем живая память и академическая вневременность, и в нервном этом противостоянии есть что-то именно шукшинское. Время входит в судьбу художника и начинает делить прежде неделимое целое.

Сборник предварен «самим Шукшиным» — во всяком случае кажется, что именно для этих «Чтений» и написано его «Признание в любви», в котором он говорил, что, пока жива в человеке родина, ему есть где «отдышаться, собраться с духом» и что воскресает на родине «какая-то животворная сила, которой надо коснуться, чтобы обрести утраченный напор в крови». Эта «живительная сила» и этот «напор» полнят лучшие страницы книги.

Разные авторы, словно сговорившись, отмечают одни и те же черты характера и дара Шукшина, что лучше всего и подтверждает ясную цельность этого большого художника. Да-

же и в том, что чаще всего они зовут его «Макарыч», есть не панибратство, а необходимая верность интонации, то есть как бы его собственный диктат их памяти. Игорь Золотусский с чуткой точностью говорит о неумной шукшинской жажде тотчас повлиять на действительность, что-то переделать в ней, сместить, поправить, в чем Шукшин доходил до простодушия. «Иногда читаешь и думаешь: неужели это Шукшин написал... Детскость какая-то, школьные прописи». Только в этом ведь тоже было что-то истово народное. Что же такое прописи, как не лучше всего отстоявшийся опыт, как не доведенная до последней простоты формула? А. Брагин в небольшом эссе о духовном братстве В. Белова и В. Шукшина еще разовеет эту мысль о вере Шукшина в то, что Слово должно преобразить все, а если оно «на подобное не способно, на что оно вообще годится!». Станет вспоминать Шукшина Ю. Скоп и тоже, как с запятой, продолжит размыш-

ления Золотусского и Брагина. Валентин Распутин обстоятельно анализирует «исступленное чувство собственного достоинства» шукшинских героев.

Это, пожалуй, самая главная, самая существенная часть «Чтений», самая шукшинская в духовном направлении. Тут он весь живой, страстный. Остальные воспоминания и публикации переводят книгу в ряд мемориальных и академических.

Отмечу только еще одну, моему, необыкновенно глубокую мысль, высказанную в воспоминаниях Г. Буркова. Говоря о том, что в шукшинской прозе было что-то родственное последнему простоты формула? А. Брагин в небольшом эссе о духовном братстве В. Белова и В. Шукшина еще разовеет эту мысль о вере Шукшина в то, что Слово должно преобразить все, а если оно «на подобное не способно, на что оно вообще годится!». Станет вспоминать Шукшина Ю. Скоп и тоже, как с запятой, продолжит размыш-

лись «истоки возрождения искусства народного».

Это очень верно. Народное тут именно в синкретическом понимании, когда искусство уходит почти на прикладной уровень — как плакальщицы Севера отпевают покойника светозарными словами, где все — поэзия, как народный мастер расцвечивает туес жарко горящими красками, которые цветут прямо в сердце. Тут мы не узнали этой народной «вживленности, этой детской глубины и правды, потому что она пришла в формах книжного слова и технически богатого кинематографа. Форма обманула, а суть-то, корень-то самый что ни на есть подлинно народный.

Этот высший художественный здравый смысл, эту прекрасную «пользу» Шукшин и хотел внести в искусство и через искусство сохранить в жизни. Воспоминания композитора П. Чекалова и актера Ю. Соловьева открыли нам важную «кухню» шукшинского ремесла и как раз

подтвердили эту неотрывность его ремесла от народного духа.

Что же до статей книги, то в них творчество Шукшина постепенно переходит из обиходного в достояние мировой культуры, отодвигается на поля науки. А. Бочаров глазами историка литературы сопоставляет творчество Ю. Трифонова, В. Распутина и В. Шукшина и находит, что «личностное самоопределение, максималистски - нравственных 60-х годов» у Трифонова сменилось у Распутина «философски-духовной прозой», свойственной 70-м годам, а Шукшин был их средостением. Н. Столченко на примере одной только итальянской прессы показывает, как широко и благодарно популярны книги и картины Шукшина на Западе и вместе как многообразны и лукавы могут быть пути использования и толкования творчества советского художника пристрастными и недобросовестными умами. Составитель сборника В. Горн, сделавший уже самим трудом составления этой книги

высокое и благое дело, выступает с замечаниями о текстологии шукшинских изданий. В. Гришаев исследует начальные годы формирования Шукшина и на основе открытого им биографического материала доказывает, что и в дописательской, школьной еще поре Шукшин уже был тем, кем был, — так неуклонна была судьба в осуществлении этого таланта. Письма же брату и матери, приведенные в сборнике, вполне подтверждают это.

Живая, диалектическая вышла книга. Видно еще, как силен Шукшин, как крепка его сибирская закваска, как еще резко и злободневно звучат его вопросы. И хоть книга зовется с академической строгостью «Чтениями», до покойной отстраненности и научной беспристрастности такого рода изданий ей еще далеко. И это очень и очень хорошо.

Валентин КУРБАТОВ

ПСКОВ